

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТОПОНИМИКЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Профессор Иркутского госуниверситета им. А. А. Ждаиова М. Н. Мельхеев — автор целого ряда трудов, посвященных географическим названиям, в частности Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей. Даниую проблему разрабатывали Г. М. Василевич, Э. Р. Рыгдылон, В. Б. Шостакович и многие другие. Их труды занимают достойное место в историографии восточносибирской топонимии.

Однако исследования М. Н. Мельхеева¹ имеют существенные отличия. Во-первых, он обобщил в них тот огромный фактический материал, который накопился за последние две сотни лет; во-вторых, определил (и не безуспешно) систему современной топонимии большого географического ареала, исходя из историко-этиографических, географических, лингвистических и иных данных, взятых в комплексе, установив одновременно общие закономерности формирования топонимии исследуемых районов; наконец, в-третьих, он первый дал наиболее полный словарь географических названий Восточной Сибири — свыше 600 топонимов — с попыткой этимологизации каждого из них.

Труды М. Н. Мельхеева имеют в общем одинаковую структуру и в какой-то мере повторяют друг друга. Наибольшее сходство между собой имеют работы «Происхождение географических названий Иркутской области» и «Географические названия Восточной Сибири». Мы рассмотрим более подробно вторую из этих работ, написанную позднее, значительно улучшенную по сравнению с первой и существенно дополненную, что и позволяет ей по праву являться самостоятельной работой.

Введение и обзор литературы у названных трудов совпадают почти до деталей. Во введении в общем правильно дано определение науки о топонимике и ее значение для географии, истории, этнографии и лингвистики. Велико значение топонимики в преподавании географии, истории и языка в школе. Со всеми положениями автора мы согласны. Вызывает только возражение разделение сойотов и тувинцев и отнесение их к разным народам. Ведь сойоты — одно из основных племен тувинцев. Это все равно, что хоринцев и бурят представлять как разные народы.

Обзор литературы по топонимике Восточной Сибири, на наш взгляд, правильно начат с упоминания древних письменных источников, касающихся истории края: «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, «Сборника документов по истории Бурятии XVII в.». Рассматривается и литература советского периода, посвященная разбору географических названий Восточной Сибири. В конце обеих книг приведен подробный список литературы, который облегчает работу читателя с этим разделом.

«Из истории формирования топонимии» — так назван основной теоретический раздел, который в предыдущей книге носит название «Пути формирования топонимики Иркутской области». Эти разделы почти идентичны. Только в следующей работе М. Н. Мельхеев добавил характерные признаки бурятских топонимов и увеличил количество примеров с коттскими топонимами на **-шет**, **-чет**. Кроме того, дано несколько абзацев о топонимах Читинской области и расширен абзац о топонимах тюркского происхождения.

Автор правильно понимает процессы появления, развития, напластования топонимов различного этнического происхождения, правильно связывая это с историей края, с историей народов, с их передвижением. Хорошо показаны современные процессы развития топонимии, связанные с бурным развитием производительных сил, с ростом народонаселения и населенных пунктов, с преобразованием природы человеком.

На основе определенных языковых признаков автор верно вычленяет эвенкийский топонимический, бурятский, коттский, тюркский пласты. Языковые признаки в общем определены правильно. Вызывает лишь возражение отнесение к тюркским названиям топонима **кутул** (*кутал*, *куталь*) — перевал, дорога через невысокий хребет в Ольхонском районе. Такого же происхожде-

ния слово *Кутулик*. Но ведь слово *хүтэл* — седловина в горах — является бурятским, есть *хөтөл* и у халха-монголов. Так что *кутул* является топонимом бурятского происхождения. Об этом же говорит и сам автор на страницах 44—45, разбирая уже в словаре топоним *Кутул*. Хорошо и со знанием дела рассмотрены русские топонимы, история их появления. Безусловно, этот раздел вносит определенный вклад в развитие топонимической науки Восточной Сибири.

Вызывает интерес довольно полный список местных русских географических терминов, данный во второй книге. Он помогает точнее понять смысл названий, приведенных на географической карте, полнее определить природные и погодные условия, особенности, характерные для Сибири, понять географическую и краеведческую литературу. Такое начинание можно только приветствовать. Однако не со всем здесь можно согласиться. Например, слова *багул* (местное название рододендрона), *волчья трава* (валерьяна) относятся к ботанической терминологии, а не к географической. Слова *гнус* (мошка), *замор* (гибель рыбы зимой в ямах), *кухта* (шапки снега на ветвях деревьев), *логово* (место обитания, лежки нерпы) являются обычными сибирскими диалектизмами и вряд ли их стоит относить к географическим терминам. Недостаточно полно выявлено значение термина *шарлопы* (мелкие пещерки в скалах, нишеобразные углубления и пещерки по берегам реки) (Приленье, Илимский район). Дело в том, что в Восточных Саянах этот термин употребляется для называния осыпи из крупных камней. Есть и неточные определения терминов. Так, *листвяг* дан как «местное название чистых лиственных насаждений», в то время как насаждения — это деревья, посаженные человеком, а листвяги — это чистые сплошные лиственные леса. Но в общем словарь удачен.

Не менее удачной можно считать и книгу «Топонимика Бурятии», в которой полно и подробно отражены история, система и происхождение географических названий на территории Бурятской АССР, бурятских национальных округов и некоторых соседних с ними районов с бурятским населением. Книга содержит много новых глав и разделов.

Во введении достаточно полно и точно раскрыт предмет, методы и задачи топонимики. При этом общетеоретические вопросы топонимии автор дает опираясь на местный материал, что можно только приветствовать. К сожалению, немного фрагментарно и схематично дан обзор литературы по топонимике Бурятии. Очень затрудняет работу с этим разделом отсутствие, в отличие от предыдущих книг, списка использованной литера-

туры, что можно считать существенным недостатком.

Далее, в двух больших главах разобраны история формирования топонимии и система современной бурятской топонимики.

Касаясь истории формирования топонимии территории, населенной бурятами, автор совершенно правильно начинает исследование с рассмотрения топонимии как категории исторической, каковой она и является. На конкретных фактах истории хорошо показано, как «... на территории Бурятской АССР и смежных с нею областей на протяжении многих веков менялись исторические условия, происходили сложные общественные процессы — передвижение и смешение разных народов и племен, обладавших различной языковой культурой. В этом длительном водовороте общественных событий и скрещивании языков происходило формирование топонимии края. При этом каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию края новое на своем языке, изменяла и модифицировала структуру прежней топонимии. Иногда эти видоизменения были настолько сильными, что форма и смысл некоторых древних топонимов дошла до нас в искаженном до неузнаваемости виде. В результате длительного исторического процесса на рассматриваемой территории образовалась сложная топонимия в виде наслоения географических названий различного языкового происхождения: палеоазнатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского»².

Все это очень удачно подкрепляется фактами археологии и истории края, заселенного еще со времен каменного века. Из истории мы узнаем, что в Прибайкалье уже 3—4 тысячи лет назад жили лесные племена, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей и не знавшие ни скотоводства, ни земледелия. В степных же районах Забайкалья в это время существовала культура раннепасторальных племен. Первые явились предками позднейших эвенкийских племен, а вторые участвовали в формировании бурятских племен. Позднее эта территория была под властью гуннов, затем — орхонских тюрков, угуров, кыргызов.

Топонимы, близкие к современным, мы находим уже в памятниках древнетюркской (орхонской) письменности. Автор очень хорошо сделал, обратившись к этим, по сути дела самым ранним, письменным свидетельствам топонимии края. Данные он берет у акад. Б. Я. Владимирцова, в свое время посвятившего специальное исследование орхонским тюркским географическим именам, сохранившимся в монгольском старописьменном языке³.

Материал свидетельствует о том, что уже по крайней мере тысячу лет назад существовали названия *агу* — современная Ага (в Забайкалье) и *селенге* — река Селенга и что с этой территорией связаны племена древних киданей, уйгуров, кыргызов.

Плодотворно обращение автора к таким древним письменным источникам, содержащим местную топонимию, как «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Здесь мы тоже встречаем современные Селенгу, Хилок, Иро, Ангару, Онон, Чикой, Темник, что говорит о древности этих названий, о преемственности топонимов.

Очень интересен своими выводами и материалом раздел «Племена и народы, на языках которых формировалась современная топонимия Бурятии». Вывод о многослойности современной топонимии Бурятии, сложившейся в результате напластования разноязычных географических названий, подтверждается многочисленными конкретными примерами. Выделяются монголоязычные, славяноязычные, тунгусоязычные, тюркоязычные, кетоязычные и самодийскоязычные названия. Одна из таблиц, приводимая в разделе, иллюстрирует языковую принадлежность топонимов бассейнов ряда крупных рек в районах расселения бурят.

Топонимам, происходящим из разных языков, посвящены специальные разделы. Автор подробно и со знанием дела, показывая полную компетентность и хорошую ориентацию в бурятском, эвенкийском и русском языках, разбирает тунгусоязычную, русскую и монголо-бурятскую топонимию. Заслуживает внимания выделение следов топонимии кетоязычных племен, которая имеет характерные форманты в названиях рек: *-шет* (Акульшет, Ингашет, Тайшет, Туманшет), *-чет* (Тенчет, Черчет, Такучет), *-сет*, *-сес*, *-ул* (Агул, Тагул, Ангаул, Хангаул). Можно полностью согласиться с материалом по тюркоязычному пласту в топонимии Бурятии. Топонимические элементы этого пласта, выделяемые автором, действительно имеют широкие соответствия в тюркских языках и являются тюркскими по происхождению. Мы только против приписывания тюркскому слову *бай* значения «большой; великий», ибо во всех, и древних и современных, тюркских языках слово *бай* значило и значит «богатый».

Серьезные возражения вызывает ряд положений автора, приводимых им в разделе «Следы топонимии самодийских племен», особенно те, которые касаются отнесения тофаларов, тувинцев-тоджинцев и койбалов к самодийцам⁴. Дело в том, что в специальной литературе речь всегда идет о предполагаемом

происхождении части родов современных тофов, тоджинцев и койбалов от самодийских племен, в то время как по языку и тофы, и койбалы, и тоджинцы являются тюрками⁵. Этого не отрицает и сам автор. Поэтому совершенно ошибочно сопоставление сходных слов из якобы самодийских тофаларского, тоджинско-тувинского и койбальского языков со словами бурятского языка и вывод о родстве самодийских и монгольских языков. Сопоставляемые им с бурятскими тофаларские и тоджинские слова *инек* (корова), *пуга*, *буга* (бык), *асхыр* (жеребец), *хулун* (жеребенок), *алтан* (золото) никогда не были самодийскими, это исконно тюркские слова. Например, в древнетюркском языке: *inek* (корова), *buqa* (бык), *ajug* (жеребец), *altun* (золото), *qulun* (жеребенок). Слова *калджен* (лысый) и *калагай* (крапива) — монголоязычные заимствования в этих языках. Неверно отнесение тофаларского *ой* (ручей, небольшая речка) к самодийским, так как это общетюркское слово (ср. *ой* во многих тюркских языках в значении «впадина, котловина, лощина, выемка»).

Самодийскими являются лишь топонимы с формантом *-ба*, *-би*, *-бу*. В этом автор, безусловно, прав.

Вторая глава посвящена системе современной бурятской топонимии. В ней подробно разбираются названия, имеющие собственнобурятское происхождение, и распространение их на территории с бурятским населением. Глава начинается с описания современного расселения бурят.

Не вызывают возражений сопоставление фонетического оформления топонимов в бурятском и русском языках, что помогает их идентифицировать и правильно прочесть карту, и приведение моделей бурятских топонимов, в выведении которых автор учел законы бурятской грамматики. Семантическая и морфологическая структуры бурятских топонимов, приводимые автором, помогают выделять с достаточной точностью топонимы бурятского происхождения. Надежными мы можем считать и этимологии бурятских топонимов, даваемые автором. Здесь правильно выделяются названия, отражающие в себе природно-географические условия (Бугата — изюбриный, Хэрмэтэ — беличий, Хасуурта — ельник, Мангирта — луковый, Нарин горхон — узкий ручей), историко-этнографические и экономико-географические особенности Бурятии (Хоринск < хори — бурятское племя, улус Шаралдай < шаралдай — бурятский род булагатов, улус Баяндай < баяндай — эхиритский род); названия, связанные с народной этимологией, подгонкой под бурятский язык некото-

рых небурятских топонимов (Аха-гол — р. Ока < ок — хем); топонимы религиозно-мифического происхождения (озеро Онго нуур — священное озеро, Барисын Дабаан — перевал подиошений). Интересен раздел о микротопонимии, где даются подробно названия, бытующие на небольшой (площадью 3—5 км²) территории.

Как продолжение очень нужной работы над географической терминологией, начатой автором в предыдущей книге⁶, где дана местная русская географическая терминология, следует рассматривать список бурятских географических терминов. Эти термины разбиты на семантические группы: общегеографические термины (*хото* — город, *хужир* — солончак, *хабсагай* — скала, *намаг* — болото, *олом* — брод, *нуга* — луг, займище, *байца* — отвесная скала), названия животных, образующие топонимы (*аргали* — дикий горный баран, *могой* — змея, *сурхай* — щука, *хандагай* — лось), названия растений, образующие топонимы (*жодоо* — пихта, *улаагана* — красная смородина, *хасуури* — ель), прилагательные, участвующие в образовании топонимов (*урда* — южный, *ехэ* — большой, *дцлаан* — теплый, *баруун* — западный). Очень интересна таблица (с. 104—107), в которой приведены терминологические параллели и сходные монгольские (бурятские и халхаские), эвенкийские и тюркские (вообще тюркские, якутские, тувинские) названия. Например, бур., халха-монг. *айл*, тюрк. *аул*, якут. *ыал*, хакас. *аал* — селение; бур. *арал*, *ольторог*, халха-монг. *арал*, якут. *арыы*, тувин., хакас. *олтырых* — остров, эвенк. *арал* — лесной островок.

Завершает книгу довольно большой, хотя и названный кратким, топонимический словарь.

Соглашаясь в целом с этимологией топонимических названий, приведенных в разобранных трех книгах, мы хотели бы в ряде случаев возразить автору при толковании им некоторых топонимов и предложить свои соображения.

Название села *Абалак*⁷ в Усть-Удинском районе Иркутской области происходит, по мнению автора, от бурятского слова *аоа* (охота) и связывается с облавной охотой *зэгтэ-аба*, проводившейся ранее в этой местности. Может быть это и так, но не следует забывать, на наш взгляд, о существовании здесь в прошлом Абалакова улуса кетоязычных арицев. Об этом мы находим сведения у Б. О. Долгих⁸. Кетоязычный род Абалаков вошел также в состав качинцев (хакасов), у которых отмечается род и улус Абалаковский⁹.

Озеро и губа *Амнундакан* на берегу Байкала¹⁰ возводятся к эвенкийскому слову *амут* (*амундо*) — озеро, *-кан* — суффикс уменьшительной формы. Данная трактовка, нам кажется, неудовлетворительна потому, что в эвенкийском языке и его диалектах вообще нет слова *амундо*¹¹ да еще в значении «озеро». Зато есть слова *амнунда*, *амнунна* в значении «наледь», «выносы камней на устье горной реки, на которых летом обычно задерживается нерастаявший лед», и *Амнунна* как название реки¹². О реке *Амнунна* (*Амнунда*~*Амнунра*), название которой по-эвенкийски означает «каменистая россыпь на устье, летом очищающаяся от наледи», сообщает и исследователь эвенкийской топонимии Г. М. Василевич¹³.

Кара-Бурень — река в Восточных Саянах, приток р. Уды. По нашему мнению, сомнительно отнесение этого гидронима к тюркоязычным по происхождению, так как этот приток р. Уды имеет название *Кара-Бурень* лишь на географических картах и у местных русских, коренное же население — тофы — именуют его *Кара-иир*. *Кара-Бурень* объясняется тофами как бурятское *Хара мурэн* (черная река), что является, на наш взгляд, более близким к истине.

Название местности *Оёк* в Иркутском районе производится либо от бурятского *оёхо* (шить), либо от междометия *ой, ой, ое ей*. Сам же автор эти этимологии считает сомнительными. Он склоняется к мнению, что «скорее всего это слово тюркского происхождения: *оёк, оюк* — знак, указатель дорог»¹⁴. Здесь нам хотелось бы возразить автору. Дело в том, что в тюркских языках (ни в одном из известных сейчас) слово *оёк, оюк* не имеет значения «знак, указатель дорог». Название *Оек* действительно можно считать тюркским, но происходящим от слова с другим значением. Ср. хакас.¹⁵ *ойыг* (пологая, отлогая местность), *ойых* (выемка, впадина), *ой* (низина, долина, впадина, котловина), тувин.¹⁶ *ой* (низина, лощина), *оюк* (пробоина, дыра), тофалар.¹⁷ *оюк* (расселина, узкий распадок в вершине ручья), киргиз.¹⁸ *ой* (низина, впадина, котловина), *оюк* (выемка, впадина, дыра), барабин. татар.¹⁹ *ойык* (низина), уйгур.²⁰ *ой* (низина, низменность, впадина, выемка).

Хотелось бы сказать несколько слов относительно некоторых неточностей, вкравшихся в объяснение названия *Тофалария*²¹. Слово *тофа* — не искаженное самоназвание *дуба, туба* или *тува*, а собственное название этого народа. *Тофалар* — форма множественного числа от *тофа*. *Дуба, туба* — предполагаемые предки тофов, а также родов *туба* у северных алтайцев, *тума* у хакасов

и тувинцев (*тыва*). Ни у тофов, ни у хакасов, ни у алтайцев и тувинцев слова *туба*, *дуба*, *тума*, *тофа* не означают «люди». У тофаларов не было тотема *кара гас* (черный гусь), к которому пытаются свести обидное дореволюционное прозвище тофов *карагас*. По сообщениям стариков — тофов, ранее у них был, наряду с родами *хааш*, *сары хааш* (желтый хааш), *чогды*, *кара чогды* (черный чогды) и *чептэи*, род *кара хааш* (черный хааш). Последний мужчина из рода *кара хааш*, носивший фамилию Иреяков, умер незадолго до революции, после чего этот род прекратил свое существование. Род *кара хааш* и дал основание царской администрации выделить у тофаларов Карагасский улус наряду с улусами Сельпигурским, Кангатским, Югдинским и Кубалитским². От названия этого улуса и стали до революции называть карагасами сначала часть тофов, а потом и всех. Расшифровка слова *карагас* как «черный гусь» является народной этимологией.

Отмеченные выше неточности и спорные этимологии ничуть не умаляют явных и бесспорных достоинств рецензируемых работ. Все они вносят крупный научный вклад в разработку топонимии Восточной Сибири и являются, по сути дела, своеобразной вехой на сложном и тернистом пути топонимики. Книги очень интересны и познавательны для массового читателя, интересующегося прошлым края, написаны живо и увлекательно. Таким образом, мы располагаем исследованиями, удачно сочетавшими в себе как большое научное, так и практическое значение. Наконец-то читатель может получить квалифицированный и точный ответ, почему, например, Куйтун назван Куйтуном, Селенга Селенгой и откуда произошли, например, названия Могойтуй, Дарасун и Оловянная.

---

¹М. Н. Мельхеев. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск, 1964; его же. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; его же. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1969.

²М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 15.

³См.: Б. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — «Докл. АН СССР». Серия В, № 10. Л., 1929, с. 169—174.

⁴См.: М. Н. Мельхеев. Указ. соч., с. 36.

⁵См.: М. А. Castren. Versuch einer kojbalschen und karagassischen Sprachlehre. St.-P., 1857; С. И. Вайнштейн. Тувинцы — тоджицы. М., Изд-во вост. лит., 1961.

⁶См.: М. Н. Мельхеев. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969, с. 98—117.

⁷М. Н. Мельхеев. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969, с. 18.

⁸Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 233, 235, 240, 272.

⁹См.: «Народы Сибири». — «Этнографический очерк». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 385.

¹⁰См.: М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии, с. 111.

¹¹По устному сообщению эвенковеда М. Д. Симонова, младшего научного сотрудника БИОН БФ СО АН СССР.

¹²См.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., ГИЗ, 1958, с. 29.

¹³См.: Г. М. Василевич. Топонимика Восточной Сибири. — «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1958, № 4, с. 327.

¹⁴М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 146—147.

¹⁵См.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижеков а-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., ГИЗ, 1953, с. 124—125.

¹⁶См.: Тувинско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1968, с. 315, 329.

¹⁷См.: Собственные полевые записи В. И. Рассадина.

¹⁸См.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1965, с. 561, 585.

¹⁹См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 2. СПб., 1893, с. 1038.

²⁰См.: Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1968, с. 113.

²¹См.: М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 159.

²²См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 252, 254; О наличии рода кара хаш см.: «Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX вв.)». М., «Наука», 1970, с. 306—307.